

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

РЕФОРМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

**А.А. Луговой, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России**

Рассмотрены особенности включения российской образовательной системы в Болонский процесс. Выявлены противоречия между отечественными и европейскими трендами развития.

Ключевые слова: Болонский процесс, формирование общеевропейского пространства высшего образования, академическая эффективность научно-педагогического работника

REFORM OF HIGHER EDUCATION IN MODERN RUSSIA

A.A. Lugovoi. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

The features enable the Russian educational system into Bologna process. Revealed contradictions between national and European development trends.

Keywords : Bologna process , the formation of a common European space of higher education, academic research and teaching effectiveness of employee

В последние годы в системе высшего образования Российской Федерации произошли значительные изменения, которые предъявляют новые требования к форме и содержанию учебного процесса и, соответственно, к преподавателю [1].

Главная новизна связана с интернационализацией образования – с Болонским процессом. В нем участвуют 47 государств, включая все страны Евросоюза.

Решение о присоединении Российской Федерации было принято в сентябре 2003 г.

В развитии Болонского процесса принято выделять два этапа:

- 1999–2010 гг. – этап формирования Европейского пространства высшего образования;
- 2010–2020 гг. – этап консолидации европейского пространства высшего образования.

Полноправными участниками Болонского процесса являются Европейская комиссия, Совет Европы, ЮНЕСКО, а также ряд заинтересованных организаций, которые участвуют в программе в качестве консультативных членов. Всего за период с 1999 г. проведено девять конференций в различных городах Европы: в Болонье (1999), в Праге (2001), в Берлине (2003), в Бергене (2005), в Лондоне (2007), в Левене/Лувен-ла-Нев (2009), в Будапеште-Вене (2010), в Бухаресте (2012), в Ереване (2015).

Нужно отметить, что к самому Болонскому процессу в существующей литературе неоднозначное отношение. Вместе с тем, на последней конференции от Российской Федерации выступал министр образования и науки Д.В. Ливанов, который подчеркнул, что Россия позитивно оценивает достигнутые результаты Болонского процесса. Главным из которых является формулирование общеевропейского пространства высшего образования и готовность к дальнейшему активному сотрудничеству с партнерами в рамках общего пространства высшего образования, «отбирая те элементы, которые усиливают наше высшее образование. И не применяя те, которые его ослабляют и не создают условий для движения вперед» [2].

Так, в 2011 г. в Российских вузах был осуществлен законодательный перевод большинства программ непрерывной пятилетней подготовки специалистов на программы подготовки: бакалавров (4 года) и магистров (2 года), они были внедрены ФГОСВПО, основанные на компетенциях и системе зачетных единиц, что способствовало сближению Российских программ с программами европейских университетов.

Национальный доклад 2015 г. для стран Болонского процесса состоял из семи разделов:

- степень и квалификация;
- обеспечение качества;
- социальное измерение;
- оплата обучения, финансовая поддержка;
- трудоустройство, переход на рынок труда;
- обучение в течение всей жизни;
- интернационализация и мобильность.

Обеспечение качества является ключевым приоритетом современного этапа Болонского процесса, от которого зависит признание ученых степеней квалификаций, мобильность и международное сотрудничество, доверие к национальным системам образования в целом.

Существуют противоречия между Болонским процессом и традиционными национальными образовательными системами. Необходимо отметить, что в Германии, Франции и России включены в этот процесс лишь государственные университеты, в то время как частнофинансируемые вузы развиваются по своим трендам.

Одной из задач современного этапа является создание универсальной технологии контроля качества образования (формализированный и универсальный по форме).

«Социальное измерение образования» делает упор на обеспечение равных возможностей доступа различных групп населения, развитие различных форм поддержки, (в частности финансовой) в период обучения, роста возможностей использования гибких образовательных траекторий и альтернативных путей доступа к разным уровням образования. Так, ст. 15 Федерального закона «Об образовании в РФ» вводит понятие «сетевая форма образовательных программ». Данная форма обеспечивает возможность освоения обучающимися образовательной программы с использованием ресурсов нескольких вузов, в том числе иностранных. Также она предусматривает использование ресурсов научных и других организаций, которые обладают возможностями, необходимыми для осуществления обучения. Многие ведущие вузы Москвы и Санкт-Петербурга развивают эту форму достаточно динамично.

Постепенно происходит изменение представления о месте, роли и содержании преподавательского труда в системе новой высшей школы. На государственном уровне введен в действие ряд документов, определяющих развитие вузов. Новым является, то, что вузы обязаны показывать результаты по основным направлениям своей деятельности. Принята программа, по которой в 2018 г. восемь университетов России должны войти в топ 200 глобальных рейтингов.

Основной ресурс в этом процессе – научно-педагогические работники, на которых возлагается значительная часть задач и мероприятий, обеспечивающих реализацию стремительно меняющихся планов университета.

Университеты используют ряд практик, позволяющих увеличить академическую эффективность научно-педагогического работника для университета в целом. Эти системы носят и поощрительный, и наказательный характер, к ним относятся:

1) ужесточение требований обязательной аффилиации публикаций сотрудников университета;

2) создание службы поддержки публикационной активности (техническое сопровождение и переписка с издательствами, ведение базы данных по публикациям сотрудников);

3) повышение уровня английского языка у преподавательского состава вузов (некоторые университеты планируют увеличение числа преподавателей, владеющих английским языком, к 2020 г. до 90 %). В настоящее время существует ряд ограничений для амбициозных планов университета, например, ориентация исследований преимущественно на Российскую проблематику, недостаточная интеграция научно-педагогического работника в международное исследовательское сообщество, неуверенное владение преподавателей английским языком. Как следствие, незначительный объем преподавания на английском языке, низкая публикационная активность в англоязычных научных журналах.

4) оказание преподавателям поддержки в написании статей и представлении докладов на иностранном языке;

5) привлечение на работу в университет продуктивных исследователей, включая иностранцев;

6) создание новых структур, в которые возможно принять на работу эффективных исследователей и развивать перспективное направление науки (через создание центров и лабораторий мирового уровня, с высокотехнологическими Российскими и международными организациями);

7) поощрение сотрудников за публикацию в научных журналах, входящих в индексируемые базы;

8) поощрение научной кооперации и соавторства с зарубежными коллегами;

9) развитие системы учебных ассистентов и стажеров-исследователей, позволяющей выводить преподавателей из учебного процесса;

10) перевод на временный договор преподавателей, у которых нет публикаций;

11) перевод научных сотрудников, у которых нет публикаций на другие должности;

12) размещение журналов университета на платформе Science Direct;

13) включение российских журналов в перечень журналов Web of Science и Scopus.

Новым является и то, что преподаватель должен определиться со своей самоидентификацией. Понятно, что у преподавателя есть определенная профессия, в рамках которой он дипломирован, или занятия, которым он посвящает больше времени (преподавание, научная работа, административная работа в реальном секторе экономики, политики и т.д.).

Какие предлагаются стратегии в Российских университетах?

Внедрить единый контракт для преподавателей, который совмещает три вида деятельности: преподавание, исследовательскую работу и организационную деятельность.

Контракты могут быть различными с преобладанием той или иной составляющей:

1. Контракт «преподавателя», где значительная часть рабочего времени будет посвящена преподаванию и достижениям в данной сфере (60–70 % занятости), научная работа – 10–30 % и приблизительно столько же – организационная.

2. Контракт «преподавателя-исследователя», акцентирует исследовательскую деятельность (60–70 %), преподавание составляет минимум доли от общей нагрузки 10–30 %, организационная работа – 10–20 % времени.

Сегодня в передовых Российских университетах меняется структура учебного блока (готовят НПО по направлениям, а не по специальностям, которые устаревают уже к выпуску), Академическая культура и преподаватели вынуждены к ним адаптироваться – современный преподаватель должен стать активным по всем направлениям своей академической карьеры.

Литература

1. Шестак В.П., Шестак Н.В. Этнос, рейтинг вуза и публикационная активность преподавателей вуза // Высшее образование в России. 2012. № 3.

2. Российское образование в Болонском процессе (по материалам национального доклада РФ) // Высшее образование в России. 2015. № 8–9. С. 47.

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ

Е.А. Мартынова, доктор философских наук.

Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева

Исследовано понимание в современных условиях особенностей феномена российской интеллигентности. Приведены аргументы необходимости возвращения в наше время к формам и стилям поведения этого социального слоя.

Ключевые слова: интеллигенция, российский менталитет, интеллеktуал, кризис идентичности, самосознание нации, базовые ценности национальной культуры, ценностно-нормативные ориентиры

TYPOLOGY AND INTELLIGENT AXIOLOGICAL GROUNDS

E.A. Martynova. Mordovian state pedagogical institute named after M.E. Evseviev

The present research is devoted to the discussion of the basic features of Russian intelligence in modern conditions. The article presents arguments which explain the need of returning today to the forms and styles of the social behavior of this social stratum, because they could give answers to many vital questions nowadays.

Keyword: intellectuals, Russian mentality, intelligence, identity crisis, consciousness of the nation, base values of national culture, valuable and standard reference points

Социокультурные аспекты идентификации интеллигенции привлекают к себе внимание снова и снова, поскольку эта историческая группа выдвинула социокультурные формы и стили социального поведения, которые впоследствии многократно воспроизводились в различные исторические времена и остаются актуальными и сегодня. На сегодняшний момент можно с уверенностью сказать, что интеллигентность определяет человекоцентристский подход практически во всех сферах жизнедеятельности, она обеспечивает сохранение и упрочение гуманистического отношения к миру. Интеллигентность противостоит по своему содержанию и типическим характеристикам всему, что разрушает гуманитарные смыслы человеческого бытия.

Разговор об основных сущностных характеристиках российского интеллигента целесообразен по ряду причин.

– Во-первых, потому что именно к интеллигенции сейчас обращают свои взоры остальные слои общества, поскольку все мы сейчас пытаемся найти ответы на вопросы относительно кризисного состояния нашей страны.

– Во-вторых, анализ ментальности интеллигенции, ее культурных практик крайне важен, поскольку, будучи максимально динамичным социальным субъектом, интеллигенция формирует инновационные культурные практики и стили поведения, предназначенные для дальнейшего культурного развития отечества.

– В-третьих, сегодня у нас появилась возможность посмотреть на портрет интеллигенции в исторической ретроспективе, что позволяет увидеть его в полном объеме, так как на первоначальных этапах формирования интеллигенции многие черты ее облика находились еще в процессе становления.

– В-четвертых, необходимо определить, что утратилось и что утрачивается в сущностных чертах современной российской интеллигенции, а что будет перенесено в XXI в.? Важно сохранить в этом процессе историческую преемственность всех поколений российской интеллигенции: дореволюционной, советской и современной.

Современное состояние гуманитарных наук предполагает отказ от стремления к упрощению исследуемого объекта. В научных дискурсах проблемы синкретически соединены как гносеологические и аксиологические аспекты, так и межпредметные линии анализа интеллигенции. Поиски современных подходов требуют синтетического соотнесения ранее оторванных друг от друга подходов, превращения тем самым историко-философского исследования в подлинно гуманитарную науку.

Исследованием сущности и особенностей «интеллигенции» посвятили свои работы многие видные ученые России. О проблемах соотношения интеллигентности и образованности говорил Д.С. Лихачев, о культурно-исторической роли интеллигенции М. Мамардашвили, о взаимоотношениях интеллигенции и власти В.С. Степин. Лотман Ю.М., который говорил, что «интеллигент – это человек, обладающий интеллигентностью», размышляя над этим понятием, отмечал, что интеллигентность – душевное качество, которое противоположно хамству и наглости. Интеллигент, по мнению Ю.М. Лотмана, не исповедует психологию раба. Интеллигент – это человек внутренне свободный, способный уважать человеческое достоинство и личность в себе и в других. Он определял интеллигента как особую творческую личность. Левада Ю. считает жертвенность, чувство вины органическим выражением сущности интеллигенции. В работе «Воспроизводство российской интеллигенции как педагогическая проблема» М.С. Каган писал, что именно так родилась действительно национально-своеобразная прослойка россиян, у которых высокий интеллектуальный потенциал оказался прочно сцепленным с потенциалом нравственным, у которых знание мира сопрягалось с самопознанием и самооценкой, которые распространяли критическое отношение к существующему на собственное поведение, и тем самым сливали рациональную рефлексию с той формой эмоциональной рефлексии, которая именуется в этике совестью.

Трактовка понятия «интеллигентность» подразумевает описание комплекса важнейших интеллектуальных и моральных констант ее образующих. Большинство ученых сходятся во мнении, что этот комплекс может быть представлен совокупностью качеств, которые характеризуют личность с позиций ее *порядочности, профессионализма и патриотизма, обостренного чувства социальной справедливости, приобщения к богатствам мировой и национальной культуры и усвоению общечеловеческих ценностей, следования велениям совести.*

Существует невероятно большое количество попыток дать определение как феномену, так и понятию «интеллигенция». Социолог Ян Щепанский выявил более 60 различных определений и интерпретаций термина интеллигенция [1]. В своих работах А. Севастьянов обозначает свыше 300 определений этого феномена [2]. Классифицируя все эти определения, можно предложить следующие группы:

- первая группа определяет интеллигенцию как надклассовое образование, распространяющее общечеловеческие ценности;
- представители второго направления полагают, что интеллигенция не образует самостоятельной социальной группы, а ее представители относятся к различным классам;
- третья точка зрения идентифицирует интеллигенцию как определенный самостоятельный класс;
- четвертая – видит интеллигенцию как социальную группу, находящуюся между классами.

Из существующих определений интеллигенции наиболее удачным, на наш взгляд, является определение Ю. Левады. Автору удалось собрать воедино все лучшее из предшествующих исследований. «В понятии интеллигенции, как оно оформилось в России, содержится нечто иное и большее, чем «слой» или «социальная группа», это в то же время еще и *социальная функция*, роль, притом представленная как миссия, окруженная ореолом долга и жертвенности. Это не просто группа образованных людей, но некая общность, видящая смысл своего существования в том, чтобы нести плоды образованности (культуры, просвещения, политического сознания и пр.) в народ и уподобляющая эту задачу священной

миссии». Он считает, что интеллигенция – явление сугубо российское, и ее зарождение детерминировано проводимой в России в XIX в. модернизацией [3].

Интеллигенция не может быть описана ни как чисто социальный, ни как чисто культурный, ни как самостоятельный психологический феномен. Видимо прав был Г.П. Федотов, который в статье «Трагедия интеллигенции» в 1926 г. отмечал: «... Обращаясь к «канону» русской интеллигенции, мы сразу же убеждаемся, что он не способен подарить нам готовое, «каноническое определение». Каждое новое поколение интеллигенции определяет себя по-своему, отрекаясь от своих предков и начиная на 10 лет новую эру» [4, с. 405]. Философ настаивал, что данное явление исторично, «каждое поколение интеллигенции определяло себя по-своему».

Таким образом, основные представления об интеллигенции начали складываться в русском обществе давно и были связаны, прежде всего, с идеалами «нравственного бытия» как основы просвещения и образованности. Интеллигент и интеллигенция – это устойчивое сочетание психологии, образа жизни, особого мироощущения, мира нравственных отношений, со своими мифами, предпочтениями, традициями, иллюзиями.

Процесс типологизации любого явления должен учитывать *логико-гносеологические, онтологические и конкретно-исторические* составляющие этого явления. Исходя из этой установки, духовную типологию интеллигенции можно представить, по крайней мере, четырьмя традициями. За основу предлагаемой классификации исторического генезиса русской интеллигенции взят подход, предложенный И.В. Кондаковым. Каждая из предложенных конструкций существовала самостоятельно, взаимодополняя друг друга.

Первая традиция – народническая, предлагала начать историю русской интеллигенции с разночинства 40-х гг. «Разночинное» обоснование русской интеллигенции за основу этого феномена берет «беспочвенность», разрыв со всякими сословными традициями. По словам Н.А. Бердяева, интеллигенция в России всегда была «идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой, образовавшейся из разных социальных классов», которая была объединена «исключительно идеями и при том идеями социального характера» [5, с. 17].

Вторая традиция определяла генезис русской интеллигенции через вольномыслие. В этом случае родоначальниками русской интеллигенции считаются А.Н. Радищев, Н.И. Новиков, П.Я. Чаадаев. Происхождение русской интеллигенции связывалось, во-первых, с распространением просвещения, развитием наук, искусств; во-вторых, с формированием навыков религиозной и политической свободы мысли.

Такой подход к интеллигенции в отечественной философской культуре более позднего периода связан с *русским марксизмом*. Согласно этой интерпретации, интеллигенция не находит определенного места в социально-классовой структуре общества: это не класс, а «прослойка» между трудящимися и эксплуататорами. Маркс был частично прав, когда решал основную массу социальных проблем только через экономические средства. Но развитие имеет много параметров, и духовная составляющая – одна из них.

В то время в России «ведущим» философом был В.И. Ленин. Ключевые моменты идентификации им интеллигенции следующие: она «не есть самостоятельный экономический класс», она образует «особый слой современных капиталистических обществ», она занимает «своеобразное положение среди других классов», сознательнее, решительнее и точнее всего «отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе» [6]. Внутренние тонкости содержания понятия интеллигенция его мало интересовали. «В Ленине, – как отмечал Ф.А. Степун, – дар упрощения проник в русскую жизнь гораздо глубже, чем это видно на первый взгляд. Быть может, он не только материально, экономически развалил Россию, но и стилистически уподобил себе своих идейных противников» [7]. Слово «интеллигенция» было «выпотрошено», потеряло духовный компонент. Осталась прослойка между буржуазией и пролетариатом. Эта схема стала играть роль теоретико-методологического обоснования феномена «интеллигенция», что неминуемо вело к тенденциозному сужению рамок научной парадигмы исследуемой

проблемы. Когда мы говорили «интеллигенция», мы долгое время имели в виду интеллигенцию именно в этом ленинском смысле слова.

Третья традиция усматривала корни русской интеллигенции в петровских реформах. Сюда же относится традиция осмысления успехов просвещения в России в соотнесении с державной волей просвещенного монарха (Петр I, Екатерина II, Александр I). Наверное, можно согласиться с этой точкой зрения, но думается, что только при Петре I начинается процесс *сознательного* производства интеллигенции. «В XVII–XVIII вв. с целью подготовки интеллигенции создаются учебные заведения. Развитие капиталистических отношений вызывает значительный рост. И главными центрами её подготовки в XIX в. становятся университеты (Московский, Петербургский, Киевский, Харьковский, Казанский и др.)» [8]. Все, что было до Петра, можно отнести к «прединтеллигенции».

Это направление интересно тем, что оно обозначило «веху», сопровождавшую в дальнейшем все этапы становления русской интеллигенции – взаимоотношение интеллигенции с властью и государством.

Четвертая традиция связана с поисками более древних ее корней. Так, Г.П. Федотов видел первых интеллигентов на Руси в православных священниках, монахах и книжниках Киевского и Московского периодов древнерусской культуры. Думается, что образованных людей Древней Руси вполне можно отнести к первым русским интеллигентам.

Эта точка зрения со временем приобретает статус основной, найдя свое отражение в БСЭ. «Интеллигенция начала складываться уже в Киевской Руси, где появились первые учителя математики, врачи, летописцы (Нестор), авторы произведений светской литературы и среди них создатель «Слова о полку Игореве». На рубеже XIV–XV вв. – творили художники Андрей Рублев, Феофан Грек, Даниил Черный, в XVI–XVII вв. архитекторы Барма, Постник, Федор Конь, военный техник Андрей Чохов, механики Ш. и А. Вирачевы; появляются профессиональные актеры, значительная часть которых вышла из крепостных» [8].

Таким образом, традиционная историческая типология интеллигенции выглядит так: дворянская интеллигенция, разночинная, революционная, советская, постсоветская. Но явление интеллигенции сохраняло в себе ряд универсальных черт. Во-первых, интеллигент в России – это обладание знаниями и стремление эти знания передать народу, это тот, кто в интеллектуальном плане освобождает страну от тирании. Так было и в XIX, и в XX вв. Во-вторых, это идея нравственности, идея служения добру, идея жертвенности, патриотизма. В-третьих, это стремление быть примером, ориентиром и идеалом для окружающих людей. В-четвертых, интеллигент в России всегда критически переосмысливал различные стороны действительности. Как следствие этого, в-пятых, интеллигент наделен освободительным пафосом.

И так интеллигент – это социально-психологический тип, характеризующийся сознательностью, просвещенностью, мыслительной активностью. Но решающей характеристикой являлась и является интеллигентность, которая понимается как нравственное состояние души.

Литература

1. Szczepanski J. Inteligencjaaspoteczenstwo. Warszawa, 1957.
2. Севастьянов А. Двести лет из истории русской интеллигенции // Наука и жизнь. 1991. № 3. С. 106–113.
3. Левада Ю. Интеллигенция // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс Пайо, 1989. С. 120–154.
4. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. 528 с.
5. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч.: Т. 7. С. 343.
7. Степун Ф.А. Мысли о России // Новый мир. 1991. № 6. С. 201–239.
8. Интеллигенция // БСЭ. Т. 10. М.: Гос. национ. изд-во БСЭ С. 311–315.

